

Су Хуэйи изрёк собственный закон сохранения:

— Хотя я и сыт, но утиный суп возбуждает аппетит. Убыль здесь восполняется прибылью — место, освободившееся под утиный суп, как раз и заполняется им.

Су Чи погладил себя по животу, холодно усмехнулся и похвалил:

— Светило современной физиологии.

Су Хуэйи застенчиво потупился:

— Значит, я и честь семьи возвысил.

Су Чи вдруг показалось, что утиный суп в его миске потерял всякий вкус.

Они ещё не доели, как из кухни вышла У Ма, которая готовила обед, и спросила, не добавить ли им ещё бульона. Су Чи отказался, а Су Хуэйи без стеснения пододвинул свою маленькую пиалу:

— Спасибо, У Ма.

Су Чи перевёл взгляд на его живот — не раздулся, значит, ещё влезет.

Когда У Ма вышла снова, в пиале оказался ещё и большой кусок утиного желудка — уже хорошо протомлённый, вкусный и упругий.

— Молодой хозяин, ешьте на здоровье. Через полмесяца я уеду в родные края, тогда уже не отведаете.

Су Хуэйи хлебал суп, из-за края пиалы выглядывали два круглых глаза:

— ?

Он не знал, что там у У Ма в семье, — в книге об этом не говорилось. Побоявшись расспрашивать и тем самым выдать себя, он предпочёл промолчать. Однако Су Чи нахмурился и спросил:

— Что случилось? Дома какие-то дела?

— Внучка идёт в начальную школу, мой сын с семьёй собираются переехать в уездный город. В старом доме осталось много моих вещей, надо вернуться и разобрать.

Су Чи кивнул:

— Если что понадобится — скажите нам.

У Ма с благодарностью ответила:

— Спасибо, старший хозяин. Ничего особенного, только нужно отпроситься на неделю.

— Не беда, домашние дела важнее.

Когда У Ма ушла, Су Хуэйи не выдержал и уставился на Су Чи. Видимо, взгляд его был слишком пристальным — Су Чи отставил пиалу:

— Что ты на меня всё смотришь?

— Ты очень заботишься об У Ма.

— Всё-таки она работает у нас уже несколько лет, привязанность есть, — Су Чи многозначительно посмотрел на него. — Я же не бессердечный, чтобы с людьми подолгу быть рядом и не чувствовать ничего.

Су Хуэйи в этот момент жевал кусочек редьки, услышав эти слова, он чуть не поперхнулся и едва не выплюнул сок на стол.

— Я тебя прекрасно понимаю, очень даже сопереживаю! — поспешил оправдаться Су Хуэйи. — Папа с мамой относятся ко мне лучше всех, и я всегда считал их своими родными родителями. Старший брат тоже ко мне добр, ты мой самый-самый родной брат.

«Самый-самый» он произнёс особенно протяжно, и у Су Чи дрогнула рука с палочками:

— Я к тебе добр? Сам не знал.

Су Хуэйи опустил пиалу, послушно облизнул губы:

— Старший брат и правда ко мне хорошо относится. Когда я раньше накосячил, ты не стал говорить отцу, а лишь очень незаметно меня высмеял и слегка пригрозил взглядом.

— ... — Су Чи. — Ты недоволен?

— Нет, я благодарен старшему брату.

Су Чи холодно усмехнулся:

— Не заметно.

Су Хуэйи задумался:

— Тогда я могу научиться готовить у У Ма. Когда она уедет в родные края, я сам буду готовить для старшего брата.

Су Чи достал телефон и начал листать календарь.

Су Хуэйи:

— ...Старший брат, что ты ищешь?

— Старый календарь, смотрю, какой день подходит для похорон и погребения.

Перед сном Су Чи пришёл в комнату Су Хуэйи с маслом «Хуа» в руках.

Су Хуэйи лежал ничком на мягкой широкой кровати в свободной футболке, которая едва прикрывала ягодицы; при повороте тела из-под неё виднелся краешек тёмных боксеров. Он постелил на простыню тёмно-синий плед — на синем фоне при ярком свете его кожа казалась ослепительно белой, и красные следы на плечах и локтях бросались в глаза особенно отчётливо.

Услышав шум, Су Хуэйи обернулся. Рукава Су Чи уже были закатаны выше локтя, открывая

плотные, ладно сложенные мышцы. В руках он уверенно держал пузырёк с маслом и ватную палочку — вид у него был привычный.

Су Хуэйи подумал, что Су Чи на самом деле очень хороший.

Пусть разговаривает с ним всё с той же насмешливой интонацией, но совсем не бросает его на произвол судьбы.

— Наносить мазь, — Су Чи открыл крышку, растёр масло в ладонях и кивнул, чтобы Су Хуэйи подходил. — Зачем ты плед постелил?

Су Хуэйи тут же подполз ближе, оттянул ворот вниз, открыв белое плечо; красная родинка на правой стороне шеи сверкала, точно рубин, — очень броско.

— Боялся, что мазь испачкает простыню. И одежду специально надел посвободнее.

Су Чи приложил ладонь, пальцы сомкнулись, охватив всю ложбинку у шеи. На миг задержался, затем с нажимом втер масло в кожу.

Масло было нагрето в ладонях, и в тот миг, когда оно коснулось плеча, Су Хуэйи почувствовал лишь, что рука, сжимающая его плечо, — большая, плотная, горячая и сильная; подушечки пальцев и ладонь чуть шершавые, скользят по коже, мазь впитывается, и одновременно больно и приятно.

Он не сдержался и тихо охнул, болтая ногами, свешенными с края кровати.

Су Чи нахмурился:

— Где твои штаны?

Су Хуэйи ответил:

— В своей комнате можно не одеваться так официально, правда? После того как ты закончишь с мазью, я сразу лягу спать.

Довод убедительный, Су Чи не нашёлся с ответом.

Закончив с плечом, взяли за локоть и ушиб на голове. В комнате разлился густой запах масла. Су Чи пошёл мыть руки в ванную и велел Су Хуэйи открыть окно, чтобы проветрить.

Су Хуэйи прошлёпал босиком к окну и открыл его.

Су Чи, выйдя из ванной, увидел, как Су Хуэйи, выгнувшись, торчит на подоконнике круглой упругой попкой, и когда он с усилием толкал раму, мясо на ягодицах чуть подрагивало.

Су Чи:

— ...

Он внезапно осознал своё заблуждение: даже между братьями существуют границы, а уж тем более если они не родные. Он был старшим в семье, и, когда младшие братья были маленькими, он даже водил их в баню, но после пяти-шести лет они уже не мылись вместе. Тогда он знал, что братья подросли и нужно соблюдать приличия, а теперь чуть было не забыл.

— В следующий раз, когда я приду к тебе в комнату, не забудь надеть штаны.

Су Хуэйи закрыл окно и забрался обратно на кровать:

— Мы же оба мужчины, чего стесняться?

В журналах он читал, что многие любят разговаривать по душам в горячих источниках; видимо, чтобы сблизиться, нужно сперва увидеть друг друга без одежды.

Су Чи фыркнул:

— Тогда зачем в банях ставят перегородки?

Су Хуэйи рассудительно ответил:

— Там незнакомые люди, а перегородки нужны, чтобы защитить самооценку некоторых мужчин...

У Су Чи жилка на лбу запульсировала — чёрт возьми, «самооценка мужчин».

— Если не наденешь штаны, я в следующий раз даже не зайду, — бросил он и вышел.

Хлопнула дверь.

Су Хуэйи, всё ещё держась за ворот, ошарашенно смотрел на дверь спальни, не понимая, почему Су Чи снова проявил такое упрямство.

В ложбинке плеча жгло от масла. Су Хуэйи потёр кожу пальцами — его собственные пальцы были прохладными, в отличие от горячей ладони Су Чи.

Он подумал: ладони такие горячие, зачем же говорить так холодно?

Су Хуэйи был человеком слова — он взялся за еду Су Чи.

На завтрак на следующий день были рисовые шарики. Он специально встал на десять минут раньше и превратил шарик Су Чи в сердечко. Яркий утренний свет упал на этот шарик, будто покрыл его ореолом святости.

У Ма, только что расставившая завтрак, смотрела с недоумением:

— Молодой хозяин, вы...

Су Хуэйи обернулся и пояснил:

— Сюрприз для старшего брата.

У Ма:

— Руки не мыли.

— ... — Су Хуэйи помолчал мгновение, затем выставил красивый мизинец: — Храним наш маленький секрет.

Когда Су Цзитун и Юй Синьянь спустились вниз, они увидели, что рисовый шарик у старшего сына на столе имел весьма необычную форму — совсем не похожую на остальные, скромные и

безыскусные.

Су Цзитун:

— Шарик примялся?

Су Хуэйи, стоявший у входа, бросил на него неясный взгляд.

У Ма поспешила сказать:

— Молодой хозяин сам слепил рисовый шарик в виде сердечка — сюрприз для старшего хозяина.

Су Цзитун восхищённо воскликнул:

— Неудивительно, что так красиво!

Юй Синьянь:

— ...

Су Хуэйи возгордился:

— Только один такой, эксклюзив!

Су Цзитун тут же вперился в этот шарик горящим взглядом!

...

В напряжённой атмосфере Су Чи наконец появился с опозданием. Су Хуэйи в тот же миг, как он вошёл, с неподдельной заботой обернулся к нему:

— Старший брат проснулся?

— Ага, — Су Чи настороженно покосился на него, подошёл к своему месту, сел и увидел перед собой приплюснутое треугольное нечто.

Он взял его и внимательно осмотрел:

— Модель 2D-цзунцзы?

Су Хуэйи застенчиво:

— Сердечко из риса.

Су Чи на миг исказил лицо. До чего же субъективное сердечко!

Су Цзитун рядом скрипел зубами:

— Сяо И специально встал рано и слепил это для тебя. Даже я, твой отец, который с детства его растил, такого не удостоился. Только попробуй не оценить... братнину заботу.

Су Хуэйи догадался, что тот хотел сказать: «Только попробуй не знать чести».

<http://bllate.org/book/18282/1752276>